

*Порою жизнь
как детектив...*

Татьяна
Александрова

Татьяна Александрова

Порою жизнь как детектив

«Э.РА»

2014

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Александрова Т.

Порою жизнь как детектив / Т. Александрова — «Э.РА», 2014

ISBN 978-5-00039-093-1

...Дом был просто великолепен! Террасами с очаровательными бассейнами он спускался к воде, где в бухточке покачивались лодки, всегда готовые отвезти хозяев к их изящной красавице-яхте... Отчего так жизнь несправедливо устроена? У одних – яхты, бриллианты, картины французских импрессионистов, а у других – только долги. Но не надо сдаваться, можно все изменить! Только бы удача не подвела... В этой книге питерской писательницы Татьяны Александровой каждый найдет что-то для себя – хитросплетения детектива, истории о любви, рассказы из жизни – смешные, трогательные, иногда печальные...

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00039-093-1

© Александрова Т., 2014
© Э.РА, 2014

Содержание

Миражи	5
На далеком острове	6
Ланч	7
Путь в бухту	8
Смерть	10
Похороны	12
Элизабет	14
Энтони	16
Элизабет и Энтони	18
Патриция	20
Кэтрин	23
Нора, Шон, Белинда, Элизабет	25
Анна	28
Элизабет	30
Хоскинс	32
Пол	34
Эпилог	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Александрова

Порою жизнь как детектив

Миражи

Действующие лица

Майкл – австралийский миллионер

Белинда – жена Майкла

Элизабет – дочь Майкла

Джереми – друг Майкла

Нора – жена Джереми

Пол – приятель Майкла

Анна – жена Пола

Энтони – приятель Майкла

Кэт – жена Энтони

Пэт – женщина-матрос

Шон – матрос, молодой человек

Хоскинс – инспектор полиции

На далеком острове

Роскошная белая вилла притаилась в тени раскидистых пальм. Их ветви, шелестя на ветру, давали приют беспечно щебетавшим птицам, которые наслаждались предвечерней прохладой.

Привлекательная, ухоженная женщина стояла у огромного, во всю стену окна и задумчиво глядела на расстилавшийся пред нею безбрежный океан.

Да, здесь все было по-другому – другой песок, ослепительно-белый, другие волны – нежные и ласковые, а не шумносердитые, как ТАМ, другой ветер – легкий и порывистый. И, главное, здесь, на острове Сент-Бартс, у нее была совсем другая жизнь – свободная и наполненная любовью...

Как было бы чудесно, если бы навсегда ушли годы, отравленные обидами, ревностью, унижением. Сколько ей пришлось вытерпеть! Бесчисленные его романы, пьяные выходки. А чего стоило пренебрежение ею как женщиной! Уже давно они не были близки. И совсем не по ее вине. Она плакала в одинокой постели, а наутро, надев на лицо улыбку и стиснув зубы, продолжала жить дальше, играя роль счастливой женщины.

И вот год назад она влюбилась! Да еще как! И Он тоже любил ее. Она так была счастлива своим новым чувством, что перестала замечать все происходящее вокруг. Похудела, похорошела и боялась только одного – как бы муж не догадался о переменах в ее душе. Но он, казалось, ничего не замечал. Во всяком случае, внешне никак не переменялся к ней, был также щедр в деньгах и также холоден в обращении...

А ей теперь катастрофически не хватало денег! Хотелось быть красивой, очень красивой, молодой, хотелось уезжать с любимым далеко, прочь от назойливых глаз. Ей стала неинтересна жизнь близких, она стала совершенно равнодушна к светским вечеринкам, которые раньше просто обожала.

Притворяться прежней становилось все трудней. «Надо что-то менять, – говорила она себе ежедневно, – так дальше продолжаться не может!»

Но где выход из положения?

О разводе нечего было и думать – муж не оставит ей ни гроша, узнав причину развода. А начинать с рая в шалаше уже не хотелось.

Неужели она не достойна красивой и обеспеченной жизни с любимым человеком?! Неужели не заслужила ее?!

Она посмотрела на часы. Самолет из Парижа в Густавию, столицу Сент-Бартса, прибывал через час. И еще через полчаса Он будет здесь, и неделя счастья ждет их впереди.

А потом? Что потом? Неприятные мысли, как назойливые насекомые, лезли в голову... выход должен быть! Она его найдет, надо только хорошенько подумать, все взвесить, все рассчитать...

Она села в кресло, полистала журнал. С глянцевого картинок улыбались кинозвезды и мировые знаменитости, отдыхающие на этом затерянном в океане и ставшем вдруг безумно популярном острове. Многие позировали на фоне роскошных яхт, стоявших у причала Густавии.

Внезапно женщина взволнованно встала, тряхнула головой, пытаясь отогнать посетившую ее мысль. Нет... нет... это слишком...

Внизу щелкнул замок входной двери. Слава Богу, Он приехал! И она уже не будет наедине со своими ужасными мыслями...

Ланч

Сегодня после гонки по заливу Майкл пригласил семьи команды на ланч.

Команда яхты «Солнечный ветер» состояла из двенадцати человек, включая Майкла. Яхта была огромная и очень красивая и служила предметом гордости всех, кто на ней ходил.

Сегодня шестеро из команды, сославшись на занятость, сошли на берег. Остальные предпочли принять предложение Майкла.

День стоял чудесный, небо было без единого облачка. А накануне с утра до вечера лил дождь, то затихая, то обрушивая на землю шумные потоки воды. Но сегодня и должна была быть чудесная погода – все умыто и сверкает, на лицах цветут улыбки, а над домами и лодками развеваются великолепные флаги со звездами на темно-синем фоне. Было двадцать шестое января – День Австралии. В 1788 году на этот берег высадился британский флот, и капитан Артур Филипп основал здесь колонию – Новый Южный Уэльс. Поселение он назвал Сидней – в честь какого-то лорда, который отдал приказ отправить флот к берегам Австралии.

С тех пор в этот день по всей стране проходят гуляния, имитируется высадка первого флота, проходят регаты и парады. А по вечерам небо расцвечивается великолепными фейерверками.

Правда, есть люди, которые считают День Австралии днем траура, а не праздником. Это – аборигены. Для них это печальный день, день начала утраты своих прав жить так, как они жили в течение многих лет, пока не пришли белые...

Но наша компания не понимала печалей аборигенов и предпочитала веселиться. Состоятельные и не очень состоятельные друзья Майкла оживленно общались с людьми среднего достатка. Здесь никто не обращал внимания на разницу в положении. Потому что людей, собравшихся здесь, объединяла великая любовь к яхтам, соревнованиям на них, к спорту, доступному немногим, но захватывающему целиком, без остатка.

Яхта, на которой команда гонялась каждую неделю, принадлежала на паях Майклу и Джереми. В каких пропорциях – никто не знал, но догадывались, что у Майкла львиная доля. Остальным, в принципе, было все равно, потому что ходили они матросами, то есть слушались Майкла как капитана и старались в свое удовольствие.

Собрались практически все, кто намеревался прийти – жена Майкла Белинда, их дочь Элизабет, Нора, жена Джереми с сыном Ником, Анна, жена Пола, Шон и Пэт.

Ланч решили провести в маленькой бухточке, куда ходу было минут сорок. Чтобы отправиться, ждали только Кэти – жену Энтони – с детьми.

Энтони исполнилось сорок восемь, и вот год назад судьба послала ему подарок – родился сын. Дочке Кэрл было двенадцать. Подзабылись бессонные ночи, когда она была крошкой. Поэтому, когда Кэти узнала, что беременна, ребенка решили оставить. Энтони так хотелось сына, он предвкушал, как они вместе будут ходить под парусом!.. Но все оказалось настолько тяжело... непрерывный плач ребенка по ночам, работа после бессонных ночей не в радость, а дома вечно всем недовольная, не выспавшаяся Кэти. Да, до того, как они с Оскаром – так называли мальчика – выйдут под парусом, было очень далеко...

Энтони плеснул себе рома в стакан и вздохнул. Где Кэт? Вечно она опаздывает, все ее ждут... но вот на пирсе показалась Кэти с ребенком в коляске. Рядом шла девочка.

– Ну, наконец-то, – проворчал Энтони, помогая им взойти на палубу.

Отчалили. Вода забурлила за кормой, ветер радостно погнал яхту вдоль берега.

Путь в бухту

Сегодня Майкл расщедрился. Шампанского было вдоволь, ром и виски – для любителей покрепче, фрукты, сыры, сладкое для детей.

Ланчи были обычным делом в сезон, когда было время гонок. Много лет команда ходила под парусом «Солнечного ветра». И ланчи были маленькими праздниками раз в неделю или реже. На них можно было пообщаться, мужчинам – пообсуждать причины поражений в гонке или отметить радость победы. А женщины могли потолковать за бокалом шампанского о моде, детях и заодно посверкать своими драгоценностями. У кого они были, конечно.

Говорить о своих проблемах, как и везде в приличном обществе, было не принято. Это было табу. Там, за бортом, оставалось недовольство женами, нехваткой денег, кабала банков, флирты мужей, которые, как и мужчины всего мира, были полигамны... касаться, да и то вскользь, можно было проблем с учебой, детских болезней да сухости кожи от неустанного австралийского солнца.

Но сегодня был необычный ланч. Дело в том, что Майкл решил продать свою лодку. Лодками здесь называли и маленькие парусники, и огромные яхты. Причин было несколько, но Майкл не пускался в объяснения, потому что был владельцем этой белой птицы, скользящей по океанским волнам.

Расставаться с яхтой было жаль, поэтому в разговорах собравшихся сквозил легкий оттенок грусти.

Белинда старалась руководить беседой на правах хозяйки, направляя ее в нужное русло, и не давая мужчинам заикливаться на воспоминаниях о гонках. Когда-то необыкновенная красавица, она с возрастом немного погрузнела, но сохранила свою привлекательность и горделивую улыбку.

Гордиться ей было чем – четверо детей, два мальчика, которым было по двадцать одному году, Дэвид и Грегори, заканчивающие университет, дочь Элизабет, умница-красавица, молодой адвокат да еще маленький Джордж, которому будет скоро пятнадцать. Да еще и муж-миллионер!

Свое огромное состояние Майкл сколотил, занимаясь торговлей недвижимости, когда этот бизнес был еще в начале пути в Сиднее. Благодаря большим деньгам старшие дети получили отличное образование и теперь, конечно, их ждет блестящее будущее. Младший сын успешно учился в Shore – самой престижной школе Сиднея, неплохо играл в теннис, увлекался музыкой.

Дом Майкла и Белинды слыл одним из лучших в северном Сиднее. Располагался он в замечательном районе – Мосмане, на самом берегу Сиднейской бухты. Дом был просто великолепен – террасами с очаровательными бассейнами в четыре этажа он спускался к воде, где в бухточке покачивались лодки, всегда готовые отвезти хозяев к их изящной красавице-яхте. И еще дом Майкла и Белинды привлекал гостей великолепной коллекцией картин, среди которых были знаменитые голландцы и непревзойденные французские импрессионисты. Но особенно Майкл гордился полотнами Хальса и Сислея. А сколько стоили эти полотна – можно было только гадать!

Тем временем Белинда оживленно беседовала с Норой, женой Джереми. Конечно, Нора не могла сравниться с Белиндой красивым лицом, зато она была топ-моделью! Пусть тоже в прошлом, но и сейчас она выглядела замечательно в белом длинном платье, которое своей кажущейся простотой подчеркивало ее стройную, как у молоденькой девушки, фигуру. А ей, между прочим, уже сорок три...

Белинда с удовольствием и некоторым превосходством рассказывала об их с Майклом недавнем приобретении – картине русского художника Филонова. Русские художники теперь были в большой моде, и за картину пришлось выложить огромную сумму.

Нора слушала рассеянно, то и дело поглядывая на сына.

У них с Джереми долго не было детей, хотя оба очень хотели ребенка. И когда, наконец, родился мальчик, ему уделяли столько внимания, любви и ласки, как ни одному ребенку на свете. Горы современных дорогих игрушек, смартфоны и айпады, лучшая школа, дом, полный всего, чего только может пожелать пятнадцатилетний ребенок. Но мальчик, несмотря на все заботы, которыми окружили его родители, рос нервным и капризным, по характеру совсем не похожим на добродушного Джереми.

Вот и сейчас он сидел с недовольным лицом, выражение которого говорило: «Зачем меня в эту скуотищу притащили?»

Нора старалась не обращать на Ника внимания, чтобы не расстраиваться и, выслушав рассказ Белинды про картину, пустилась в похвалы нового крема, которым пользовалась. Лучшей рекламой этого чудного крема являлась изумительная кожа самой Норы.

Белинда, которой быстро надоели рассказы Норы об ее новом бизнесе – изготовлении кремов из натуральных – только натуральных! – компонентов, переключила свое внимание на Анну, жену Пола.

Анна всегда держалась немного обособленно, когда приезжала на ланчи. Они с Полом были не очень богаты, и ей было немного не по себе среди этих сверкающих драгоценностями дамочек – Норы и Белинды.

Анна не так давно окончила университет с прекрасными результатами и устроилась на работу в очень известную страховую фирму, экономистом. Сразу же она принялась подыскивать себе пару. Желательно кого-то посостоятельнее. Но вид у Анны был гордо-неприступный, поэтому с поиском спутника жизни долго ничего не получалось. Помог случай. Однажды ее непосредственная начальница заболела, а надо было ехать по делам в Мельбурн. Пришлось ехать Анне. Там-то она и познакомилась с Полом, который в те времена еще был боссом в их фирме. Завязался роман. И, хотя Пол был старше ее на пятнадцать лет, Анна, поразмыслив немного, согласилась стать его женой.

Красавицей Анну назвать было нельзя, но взгляды мужчин она привлекала. Высокая, стройная брюнетка, одета всегда по последней моде, она выглядела чудесно. И только холодный взгляд красивых голубых глаз несколько настораживал...

Мимо нашей компании проплывали берега Сиднейской бухты, на которых живописными цветными пятнами среди удивительно яркой зелени красовались шикарные дома. Крыши были преимущественно красного цвета. Сама бухта с синей водой, отражающей безоблачное небо, была заполнена снующими в разных направлениях и стоящими на якорях лодками самых разных мастей – от крошечных яликов до великолепных стометровых красавиц. Сочетание цветов – ярко-синего, голубого, изумрудно-зеленого, красного и белого – было так чудесно, что просилось на полотно...

Смерть

– Анна, Белинда, еще шампанского? – Пол подошел к женщинам с бутылкой Pol Rojer.

– С удовольствием, – согласилась за обеих Белинда.

Пол наполнил их бокалы игристым напитком изумительного золотисто-кремового цвета и поцеловал обеих женщин в щечку.

Белинда невольно залюбовалась им. Высокий, мускулистый, с загорелым приятным лицом, он выглядел гораздо моложе своих лет. И неудивительно. К тому, что яхтсмены никогда не бывают толстяками, добавлялось стремление Пола оставаться молодым во что бы то ни стало. Вся команда знала, что он регулярно ходит в тренажерный зал, дома занимается на беговой дорожке и даже посещает салон красоты! Относились к его слабостям снисходительно. А что делать – молодая жена, надо соответствовать.

Яхта уверенно рассекала воду. Гости расслабленно созерцали проплывающие берега, поддерживая беседу, восхищаясь смышленным малышом Оскаром, который, еще не зная чувства опасности, старался везде пролезть и всюду засунуть свои маленькие пухлые ручки.

Наконец достигли цели – остановились в крошечной бухточке с уютным пляжем, сияющим золотым песком. Здесь, за мысом, жили маленькие австралийские пингвинчики. Сейчас, видно, напуганные приближающейся огромной яхтой, они скрывались где-то в зелени, причудливым венком окаймляющей желтый пляж.

Бросили якорь, опустили паруса.

Элизабет вышла на палубу и стала о чем-то говорить с отцом, который кивал в ответ на ее слова, обняв за плечи и глядя прямо перед собой. Бетти очень любила отца, и он отвечал ей тем же. Сейчас она чувствовала, как ему тяжело расставаться с яхтой... но решение уже было принято.

До Энтони, который вышел на палубу вслед за Элизабет, донеслись его слова: «...зато теперь мы будем больше времени проводить вместе, правда?» И Майкл утвердительно кивнул.

Энтони спросил, у всех ли наполнены бокалы. У него, дескать, есть тост. Народ оживился, разговоры утихли.

– Майкл, что тебе налить? – спросила Пэт, обмывающая стаканы. – Еще рома?

– Да нет, виски, пожалуй, – раздался сверху голос Майкла.

– Мне тоже виски, будь добра, – Джереми протянул Пэт свой стакан.

– А виски больше нет... – Пэт подняла пустую бутылку.

– Не может быть! – крикнул сверху Майкл. – Посмотрите внимательней!

– Да тут целая дюжина! – Пол вытащил из-под сложенного паруса ящик виски, – нам надолго хватит, – он засмеялся.

Снаружи послышался какой-то шум, всплеск и тревожный мужской возглас: «Стой! Куда ты?»

Наши герои высыпали на палубу и стали свидетелями следующей сцены. Совсем близко от их яхты двигалась к берегу маленькая лодка с мотором. В ней стоял немолодой уже мужчина и с отчаянием смотрел в сторону берега. Все проследили за его взглядом.

– Смотрите, смотрите – собака! – это дочка Энтони, Кэрол, крикнула, показывая рукой в направлении берега. – Она плывет к пингвинам!

Тут все увидели на берегу испуганную стайку пингвинов. Они как будто быстренько посоветовались между собой и юркнули в глубину берега, скрывшись в гряде камней.

Собака моряка, поняв, что на берегу ей ничего не светит, послушалась своего хозяина и повернула в сторону родной лодки.

Члены нашей компании, весело и возбужденно обсуждая это маленькое происшествие, спустились вниз, в каюту. Наверху остался только Майкл.

Пол взял два стакана с виски, один протянул Джереми, а другой собрался отнести Майклу.

– Дай-ка я сам отнесу капитану, – настоял Джереми. – Выпьем с ним вместе. Пол поморщился, но спорить не стал. «Ревнует», – подумала Элизабет, наблюдавшая эту сцену.

Да, ревновали Майкла к Джереми многие. В том числе и Энтони, ходивший с ним не один год на «Солнечном ветре» и бывший его главным помощником до прихода в команду Джереми. И Пэт, которая, как и любая женщина, хотела внимания к себе. И Шон, который считал авторитет Майкла непогрешимым, а Джереми – выскочкой в сейлинге. И Пол, который был прекрасным спортсменом и хотел и здесь быть самым близким к Майклу. А Майкл во всем советовался с Джереми и часто вставал на его сторону в ситуациях, когда надо было принимать важные решения на гонках.

Джереми поднялся на палубу. Майкл стоял на корме лодки и глядел неподвижно прямо перед собой. Крепкая, худощавая фигура, совсем еще не седые волосы, ясный, устремленный взгляд.

«Настоящий капитан!» – невольно подумалось Джереми.

– Ну что, капитан, давай выпьем за лодку, за наши походы! А помнишь Хобарт?

– Да, конечно, помню. Ох, и досталось нам тогда! Ну, давай за все хорошее!

Они выпили.

Внезапно Майкл поперхнулся, схватился рукой за горло и с удивлением взглянул на Джереми. Стакан выпал из его рук и покатился по палубе... Майкл осел на колени, а затем упал...

– Что с тобой?! Тебе плохо? Сердце? Помогите!! – кричал Джереми.

На палубу выскочили Элизабет, Пэт, Энтони. Все были в растерянности. Майкл лежал неподвижно, глаза его смотрели на море. Подошедший Шон пощупал его пульс, поглядел в зрачки и тихо произнес:

– Майкл умер.

Снизу поднималась Белинда.

– Что произошло?! Ему плохо?

Но по лицам собравшихся поняла, что случилось непоправимое...

Элизабет тихо плакала, стоя на коленях у тела Майкла. Пол утешал ее, поглаживая по голове. Белинда опустилась рядом с дочерью и молча, остановившимся взором глядела на своего неподвижного мужа.

На яхте, где еще несколько минут назад царило веселье, мгновенно наступила тишина, прерываемая лишь плеском воды о борт да лепетом ничего не понимающего маленького Оскара в салоне.

Похороны

Команда подняла паруса, и яхта направилась к причалу в Мосман со своим печальным грузом на борту.

Энтони вызвал по телефону скорую помощь и, когда они причалили, на борт поднялся врач. Осмотрев Майкла, он констатировал смерть от внезапной остановки сердца. Добавил, что вскрытие даст более полную картину. Врач сказал, что вызвал полицию, – так полагалось.

Полиция была на яхте уже через десять минут.

Седоватый инспектор по фамилии Хоскинс, с хмурым лицом и жестким, пронизательным взглядом, будто сошел с экрана бесконечных телевизионных сериалов. Он долго вертел в руках стакан, из которого Майкл пил виски, принимаясь, морщился, о чем-то вполголоса говорил со своим помощником.

Потом коротко допросил каждого взрослого из присутствующих и, долго извиняясь, сказал, что в интересах следствия необходимо осмотреть яхту и личные вещи.

Из-за происшедшего все были настолько подавлены, что никаких возражений не последовало. Приходилось только гадать, отчего не выдержало сердце такого здорового человека, как Майкл...

Полицейские довольно быстро осмотрели яхту, заглядывая в самые труднодоступные уголки, и ничего, достойного их интереса, не обнаружили. Хоскинс, бормоча извинения, с натянутой улыбкой приступил к осмотру личных вещей гостей и команды.

Больше всего вещей было у Кэти, потому что самому маленькому гостю – Оскару – требовалась своя еда из-за аллергии на многие продукты. Хоскинс, однако, все быстро оглядел и приступил к осмотру дамских сумочек.

Что именно ищет инспектор, не знал никто.

Процедура осмотра была довольно неприятной, потому что совершенно посторонний человек роется в личных вещах, да еще принимает к духам и разной другой парфюмерии, которой у всех женщин было предостаточно. Поэтому Кэти, Пэт и Анна вздохнули облегченно, получив назад свои сумочки. Элизабет к процедуре отнеслась равнодушно.

Хоскинс, с красным от напряжения лицом из-за неприятной ситуации, приступил к осмотру беленькой кожаной сумочки, принадлежащей Норе.

Окружающие заметили, как встрепенулся вдруг инспектор, открыв баночку из-под крема, которую достал из сумки Норы. Он, можно сказать, сделал стойку.

– Миссис, этот крем принадлежит вам? – вежливо поинтересовался он у Норы.

– Мне, раз уж он у меня в сумочке. Правда, я не помню, чтобы я брала его с собой... – голос Норы звучал растерянно.

– Миссис Петерсон, мне очень неприятно... но вы должны будете проехать с нами для выяснения обстоятельств.

– А в чем, собственно, дело? – возмущенно произнес стоящий рядом Джереми.

– Дело в том, что в этой баночке из-под крема, которая принадлежит вашей жене – а она сама призналась в этом – предположительно находится яд, – спокойно ответил Хоскинс.

– Яд? Какой яд? – раздались голоса.

– По-видимому, тот самый, которым был отравлен Майкл Боссон.

– Как отравлен?! Ведь он умер от остановки сердца! – шумели кругом.

– Господа, вы не волнуйтесь. Скоро доподлинно выяснится, кто отправил на тот свет вашего приятеля. А пока я забираю с собой госпожу Петерсон.

Хоскинс еще осмотрел портфельчик Белинды, ничего подозрительного не обнаружил, и с Норой и двумя полицейскими сошел с трапа «Солнечного ветра». Их провожали десятки недоумевающих глаз.

Через три дня Нору Петерсон отпустили под залог в миллион долларов и подписку о невыезде. Залог внес Джереми.

При вскрытии тела Майкла патологоанатомы определили, что он был отравлен цианистым калием. Тот же яд нашли в баночке из-под крема, которую инспектор изъясил из сумочки Нору.

Велось следствие.

Похороны Майкла собрали много людей. Проводить друга на кладбище пришли друзья Майкла по бизнесу, все, кто ходил с ним на яхте и родственники. Грусть и подавленность читалась на лицах. Женщины утирали слезы платочками, только Белинда не плакала. Опершись на руку Джереми, она простояла молча всю церемонию похорон, неподвижно глядя перед собой.

Элизабет стояла рядом с матерью, а мальчики, Дэвид и Грегори, обнимали за плечи своего младшего брата Джорджа, который горько плакал...

Когда все было кончено, участники печальной церемонии побрели к своим автомобилям. К Элизабет подошел Энтони и сказал:

– Бетти, если нужна будет моя помощь, хоть какая, не стесняйся, обращай ко мне. Я обязательно помогу и тебе, и Белинде.

– Спасибо, Тони. Пока ничего не нужно.

К Элизабет и Белинде подходили все приятели Майкла, выражали свое соболезнование и, казалось, были искренне огорчены такой его преждевременной кончиной.

Элизабет, попрощавшись с матерью и братьями и сославшись на неотложное дело, уехала.

Элизабет

Ничего неотложного у Элизабет не было. Просто захотелось побыть одной.

Два дня назад из Лондона прилетел Грегори, где он учился в Оксфорде. И так, как вся семья собралась вместе, было оглашено завещание Майкла.

Состояние, которое он оставил, оказалось больше, чем предполагали.

По завещанию Белинда, жена Майкла, получала пятнадцать миллионов долларов.

Элизабет – восемь миллионов долларов.

Дэвид, Грегори и Джордж – по семь миллионов долларов.

К тому же Белинде доставался дом, в котором они жили с Майклом, а всем детям – по апартаментам хай-класса в престижном Мосмане.

Мэри, дочь Майкла от первого брака, получила три миллиона долларов.

Яхта, на которой произошло ужасное событие, по завещанию никак не делилась, а переходила в полное владение Джереми. Этот пункт завещания никого не удивил. А дело было в том, что Майкл очень переживал, что сыновья Дэвид и Грегори были совсем равнодушны к сэйлингу – гонкам на яхтах. Дэвид заканчивал университет в Сиднее и хорошо играл в регби. Грегори учился в Оксфорде и все свободное время с удовольствием играл в футбол или, как называли его здесь – в сокер.

К воде оба были равнодушны. Что касается младшего Джорджа, то он еще не определился в своих спортивных пристрастиях... хотя, впрочем, не горел желанием ходить на яхте. Поэтому Майкл и хотел, чтобы яхта досталась Джереми, человеку, влюбленному в сэйлинг.

Еще один пункт завещания удивил многих. Семьсот тысяч долларов Майкл оставил Пэт – единственной женщине в команде.

Патриция пришла к ним на лодку три года назад уже опытным яхтсменом. Не пропуская ни одной гонки, она так влилась в их морскую семью, что не представлялось, что когда-нибудь они пойдут без нее. Но таких хороших яхтсменов было много, однако Майкл им не оставил ни цента.

Как бы там ни было, Бэтти хотелось разобраться в происшествии на яхте. Она ни минуты не сомневалась в том, что Нора не убивала Майкла. Ей просто незачем было делать это. Хоть Нора с Майклом и были давно знакомы, но их дороги никак не пересекались. Для Майкла Нора была только женой Джереми, а Майкл для нее – совладельцем яхты ее мужа. Ничего от смерти Майкла она не выигрывала, – если можно было выразиться так цинично.

Год назад Элизабет закончила юридический факультет Сиднейского университета с прекрасными результатами. Девушка она была очень умная, преподаватели не раз отмечали ее замечательными оценками, и по самым сложным предметам, когда большинство студентов получали только проходной балл, у Элизабет было девяносто восемь из ста!

В юриспруденции Элизабет нравилось все, начиная с контрактов и заканчивая уголовным правом. И сейчас она пыталась разобраться, кому была выгодна смерть ее отца.

К сожалению, на первом месте стояла ее мать.

Белинда после смерти мужа получала огромные деньги... но девушка даже не допускала мысли, что мама способна на такой чудовищный поступок! Отец всегда потакал ее желаниям, касались ли они драгоценностей, которые Белинда обожала, или далеких и дорогих путешествий. Ему всегда льстило, что жена его великолепно одета и все еще привлекает внимание мужчин.

Правда, в последнее время Элизабет наблюдала некоторое охлаждение в отношениях между родителями. Но они были женаты уже более двадцати пяти лет и, конечно, прежней остроты чувств уже не было. Тем не менее, причин убить Майкла Элизабет у матери не находила.

Элизабет поймала себя на том, что думает о Белинде как о постороннем человеке, и ей стало стыдно перед самой собой. Но что делать, она так любила отца! А теперь его нет...

Элизабет приехала к себе, сняла траурную одежду, приняла горячий душ, сварила кофе, села в кресло и задумалась. Мысли ее крутились только в одном направлении – кто же убил отца?

Она постаралась вспомнить последнюю сцену на яхте, предшествующую смерти Майкла...

...Энтони предложил выпить... крики за бортом... испуганные пингвины... плывущая собака... суматоха у стола... наполнили бокалы, и один, с виски, отнесли Майклу... кто отнес? Джереми!...

Джереми?

Тут она вспомнила, как поморщился Пол, когда Джереми настоял на том, что он пойдет к Майклу.

Пол?

Стаканы споласкивала Пэт...

Пэт?

Шон и Энтони были рядом...

Шон?

Энтони?

Кэти все время была рядом, возилась с бутылочками для Оскара.

Кэти?

Так, надо все по порядку. Как у Агаты Кристи. Начинать с тех, кому вообще эта смерть была невыгодна. Вычеркнуть их. А потом постепенно рассматривать всех подозреваемых, пока не останется один-единственный.

Сразу отпадал Пол. Он довольно состоятелен. Бизнесмен, который всегда удачно играл на бирже. Но это и не главное. А главное то, что абсолютно ничего смерть Майкла Полу не давала. А то, что больше не будет гонок на этой замечательной яхте, для Пола было очень обидно. Он обожал воду, великолепие бухты, соленый бриз и свою важную роль в команде... а Джереми его не позовет – не те отношения...

Ну и Анна тем более ничего не выигрывала со смертью Майкла...

Нет, Пол и Анна отпадали.

Дальше Шон. Тоже никаких мотивов...

Энтони

Утро было по-сиднейски ярким, но на душе у Энтони было мерзко.

Он настолько устал от постоянной мысли о нехватке денег, что даже сон не приносил ему облегчения.

В детской плакал Оскар, слышался успокаивающий голос Кэт. Но Оскар не замолкал и плакал все громче. С ума можно сойти!

Как все надоело! Главное, он не видел выхода из положения. Работа осточертела, отношения с начальством становились все хуже с каждым днем. Его бывший шеф, который ценил деловые качества и расторопность Тони, ушел на пенсию. И из Мельбурна, где находилась главная контора, прислали молодого, на двенадцать лет моложе его, Энтони. А ведь могли и его начальником поставить! И теперь этот выскочка хочет набрать свою команду. И все делает так, чтобы всем было видно, что у Энтони не хватает квалификации. Староват, видишь ли.

Энтони боялся одного – его подведут к тому, что он будет вынужден уволиться сам. То есть, надо искать новую работу.

Но это легко сказать, а сделать гораздо трудней. После сорока пяти на тебя уже смотрят по-другому. Все понимают, что за прогрессом тебе уже не угнаться. Это молодежь схватывает все на лету, а у него мозги уже не те, что были даже десять лет назад.

Кэти надо выйти на работу, тогда станет легче. Две зарплаты – не одна.

Он хмуро перебирал счета, прикрепленные магнитами к холодильнику. Электричество, телефон, вода, будь она неладна! А еще школа. И еще кредит за дом, который выплачивать еще пятнадцать лет... да, ему одному не справиться. Кэти должна пойти работать.

Он знал, что она скажет. Оскару нельзя в детский сад, у него аллергия буквально на все. А няню держать очень дорого, нет смысла работать, вся зарплата на няню и уйдет.

Положение было безвыходным.

Как он ошибся с Майклом! Энтони был уверен, что Майкл завещает ему приличную сумму денег и его любимую картину! Но этого не произошло. А ведь Майкл знал, что Тони приходится туго, и пару раз, под хмельком, он говорил о какой-то своей помощи. В будущем.

Они дружили давно и, несмотря на разницу в финансовом положении, были, можно сказать, очень близки. А сближала их любовь к лодкам, сильному, свежему ветру, надувающему паруса, к огромным, с белой оторочкой волнам по пути в Хобарт, Тасманский порт, куда они не раз ходили во время регаты. Энтони был очень опытным яхтсменом, его раньше с удовольствием приглашали и в другие команды, но он предпочитал ходить с Майклом. Омрачала их отношения только дружба Майкла с Джереми. Энтони считал Джереми выскочкой и везунчиком, а вдобавок и очень средненьким яхтсменом. Этот везунчик мало что смыслил в парусном спорте. Но у Майкла была словно повязка на глазах, он не замечал промахов Джереми!

И что теперь? Лодка у Джереми, который недолюбливает Энтони. И, если даже он не продаст яхту, все равно его, Энтони, на гонку не пригласит.

А деньги он оставил Пэт! С какой стати? Энтони, знавший Майкла давно, был в курсе его увлечений женщинами. И всегда это были красотки. Тони завидовал Майклу. Вроде, он и не красавец, ведь ничего особенного в его внешности не было. А женщины летели к нему, как пчелки на благоухающий цветок! Пэт, которая получит сейчас кучу денег, не годилась и в подметки всем предыдущим пассиям Майкла. И грубовата, и не очень красива. Да, видно, с возрастом вкусы меняются...

Энтони сел к компьютеру, чтобы посмотреть вакансии, предлагаемые фирмами. Нет, в его области ничего путного не было. Он открыл свое резюме, которое посылал время от времени в различные конторы. В этом резюме все было хорошо написано – и про образование, и про опыт... Хотелось спросить работодателей – чего вам еще нужно? Классный специалист

предлагает свои услуги. Но спросить было невозможно, да и некого. Проходили недели за неделями, а его никто даже не приглашал на собеседование...

Майкл, Майкл! Я так на тебя надеялся...

Но надо было продолжать жить.

Вот бы выиграть! В лотерею! Или в казино! Или на скачках! Надо попробовать, другие же выигрывают. Опять вспомнился Майкл, которому и на скачках всегда везло. А ему – нет...

И вдруг ему пришла в голову шальная мысль.

Энтони оделся и вышел из дома.

Элизабет и Энтони

Телефонный звонок прервал размышления Элизабет. Звонил Энтони. Сказал, что он поблизости и очень хотел бы зайти к ней. Элизабет удивилась – сейчас ей никого не хотелось видеть. Сначала она решила сослаться на плохое самочувствие, но, поколебавшись немного, все же пригласила Тони.

Вошли в гостиную, и Элизабет заметила, что Энтони бледен и взволнован.

– Хотите выпить что-нибудь? – спросила она.

– Да, пожалуй, немного виски.

– Возьмите там, в баре, – Элизабет села в кресло.

– Вам налить, Лиз? – спросил Энтони, доставая из бара бутылку Teachers.

– Нет, я сварю себе кофе, а вы поскучайте немного.

Элизабет вышла, а Энтони от нечего делать стал разглядывать картины, сплошь покрывающие стены гостиной. Энтони любил живопись и неплохо разбирался в ней. Он часами мог бы любоваться этими замечательными произведениями. Здесь было много подлинников известных европейских художников. Были неплохие современные австралийцы. Но коллекция не шла ни в какое сравнение с коллекцией, что была в доме у Майкла и Белинды. Энтони, когда Майкл был жив, частенько заезжал к ним полюбоваться произведениями искусства. Там висела картина молодого Моне с женщиной с зонтиком. Вот ее-то Майкл и обещал ему...

Вошла Лиз с чашкой кофе, села у окна. Энтони, оторвавшись от своих мыслей, налил себе еще виски. Она заметила, как дрожат его руки, и ее охватило предчувствие чего-то нехорошего, что она сейчас услышит.

Энтони сел в кресло рядом и без предисловия объявил:

– Я знаю, кто убил Майкла.

– Да? Ну и кто же?

– Пэт.

– ?!.. Вот как... из-за денег? Она что, знала о завещании?

– Нет, не думаю, что знала о завещании. Из-за любви. Неразделенной.

– Любви? К кому?

– К Майклу.

Элизабет в удивлении молчала. А Энтони, волнуясь и сбиваясь, непрерывно подливая себе виски, рассказал о том, как однажды во время гонки хотел спуститься вниз, но, услышав взволнованный голос Пэт и в ответ – раздраженный голос Майкла, остановился.

Пэт, горячась, говорила, что прошло больше года, как он, Майкл, обещал оставить Белинду и жениться на ней. Ведь она любит его, а Белинда давно к нему остыла, а, может, и не любила никогда. Майкл возражал, утешая. Дескать, надо подождать еще немного, пока Джордж закончит школу и поступит в университет. На это Пэт, повышая голос, говорила, что у Майкла всегда находятся какие-то причины, и она не думала, что он такой нечестный человек.

Майкл на это ничего не ответил, и через минуту Энтони еле успел отпрянуть от трапа, как снизу выскочила Пэт. Ее лицо пылало от гнева. Не заметив Энтони, Пэт прошла мимо него, глядя прямо перед собой...

Ее губы произнесли: «Убью!»...

Элизабет слушала, не перебивая. Надо же, она думала, что хорошо знает своего отца, а оказывается – многое ей было неизвестно! Невольно она вздохнула. Энтони замолчал и в задумчивости глядел на Элизабет. Даже омраченное горестной утратой лицо ее было удивительно прекрасно.

Повинуясь внезапному порыву, Энтони встал, подошел к сидящей девушке сзади и обнял ее за плечи. Она прижалась щекой к его руке и тихо заплакала.

– Ничего, ничего, милая, все образуется, – Энтони поцеловал ее в щеку... потом в краешек губ...

Элизабет в возмущении вскочила:

– Вы что себе позволяете?

– Я... я... только хотел... Лиз, я давно люблю вас!

– Как вы можете?! Уходите!

Энтони в смятении выскочил из дома.

Патриция

Когда за Энтони закрылась дверь, Элизабет долго сидела неподвижно, глядя в окно. Там, невзирая на человеческие драмы, вовсю сияло солнце. На огромном дереве, раскинувшем свои старые ветви прямо напротив ее окна, расположилась стая больших белых попугаев. Они деловито крутили головами и время от времени раздражались резкими криками, словно спорили о чем-то.

Неужели действительно – Патриция? Нет, не может быть...

Элизабет очень нравилась Пэт. Такая самостоятельная и решительная, уверенная в себе, открытая, доброжелательная, с сильным характером. Да, в порыве гнева она могла, наверное, совершить любой поступок. Но здесь все было тщательно подготовлено! Надо было все спланировать, достать яд... Уже не в порыве получается. Хотя, кто знает...

Не откладывая, Элизабет поехала к Пэт.

Та вдвоем с матерью жила в небогатом районе Лэйкхард. Их маленький домик в две спальни стоял в ряду таких же старых малопривлекательных домов. Перед домом росли две акации. Краска на доме давно облупилась, и кое-где из-под нее стыдливо выглядывали бурые кирпичи.

Элизабет поднялась по стертým ступеням и позвонила.

На звонок открыла Пэт. Нисколько не удивившись приходу Элизабет, будто ждала ее, Пэт пригласила девушку в гостиную. Небольшая комната, служившая гостиной, была уставлена мебелью, явно знавшей лучшие времена. Элизабет села в сморщенное кожаное кресло.

– Кофе хочешь? – спросила Пэт.

– Нет, спасибо, только недавно пила, – Элизабет не знала, с чего начать разговор.

– Пэт, кто пришел? – раздался откуда-то старческий надтреснутый голос.

– Это ко мне, мама.

– На минутку подойди, пожалуйста, – продолжала старушка.

– Извини, Бетти, я сейчас, – Пэт вышла из гостиной.

Элизабет, оставшись одна, огляделась. Она слышала от Майкла, что отец Пэт, Джеймс, был азартным игроком и старался участвовать во всех мероприятиях, где можно просадить деньги. Это были скачки, казино, лотереи. Однажды ему сказочно повезло, и он выиграл на скачках очень приличную сумму. Организовав брокерскую контору, Джеймс стал получать неплохие барыши, но все опять проигрывал на скачках и в казино. Налоги он не платил, и в один совсем не прекрасный день семье пришлось расстаться с чудесным домом в северном Сиднее и купить в рассрочку домишко в Лэйкхарде. Здесь отец Пэт вскоре умер, скончавшись от сердечного приступа, не оставив близким ничего.

И сейчас в этом доме все говорило о бедности, как ее представляла Элизабет. Скособо-ченные жалюзи на окнах, запыленный, темнеющий в углу страшным зевом древний камин, продавленные, из потрескавшейся кожи диваны. И только чудесные фарфоровые фигурки на полке, да современный, с большим экраном телевизор хоть как-то украшали гостиную.

«Да, семьсот тысяч долларов, которые получит Пэт по завещанию, будут здесь совсем не лишними», – невольно подумала Элизабет.

– Извини, мама себя очень плохо чувствует последнее время. Слегла, – входя в комнату, произнесла Пэт.

Она села напротив Элизабет и без всяких предисловий спросила:

– Ищешь убийцу?

– Ищу, – так же прямо ответила Лиз.

– Кого подозреваешь? Меня?

– Еще пока никого конкретно. Пытаюсь разобраться.

– Разбирайся. Но клянусь тебе – это не я! Ты даже представить себе не можешь, как я его люблю! Любила... – поправила себя Пэт и заплакала.

Элизабет так странно было видеть плачущей эту сильную молодую женщину, что она растерялась и не знала, что ответить.

– Я не представляю, как мне теперь жить... жизнь без Майкла потеряла для меня всякий смысл. Зачем вставать, ходить, смотреть, дышать, ездить куда-то, пить и есть, если его нет на земле. Зачем все это?! – продолжала Патриция исступленно.

Элизабет, которая задавала себе эти же вопросы, потому что очень любила своего отца, тоже заплакала. Так они и сидели, эти две молодые женщины, и лили слезы по покинувшему их Майклу. Потом Пэт встала, вышла и вернулась через некоторое время с двумя чашками кофе. Глаза ее были сухими.

– Лиз, у меня есть предположение, кто убил Майкла.

– Кто же по-твоему? – Элизабет поставила чашку с недопитым кофе на столик и насто-рожилась.

– Шон.

– ?!

– Да, Шон. Я знаю, как он ненавидел Майкла.

– За что? Ведь Майкл так хорошо к нему относился! – Лиз была очень удивлена.

– Помнишь, как Дэвид и Шон заканчивали школу?

– Помню, хотя и смутно. А причем здесь школа? И откуда ты можешь знать про школу?

– Однажды на вечеринке Шон здорово напился и попросил подвезти его домой. Мне было нетрудно, да я и не пила совсем. Так вот, тогда-то он и рассказал про школу, про университет...

– Да причем здесь это и его отношение к Майклу?!

– При том. Дэвид ведь бесплатно учится в университете? А Шон по вечерам вкалывает, чтобы заработать себе на образование. Кроме того у него есть еще младший брат и мать... и отец-алкоголик. А мог бы учиться бесплатно! Но на курс могли взять только одного студента на бесплатное обучение.

– Да причем здесь Майкл? – опять недоумевала Элизабет.

– При том. Когда Дэвид и Шон школу закончили, у них было одинаковое количество баллов. Но взяли Дэвида. Потому, – как утверждает Шон, – что Майкл с ректором университета в гольф играет, да и вообще дружит. Поняла теперь?

Элизабет поняла. Действительно, ректор сиднейского университета был их соседом, и с Майклом они приятельствовали. Она, правда, не задумывалась, почему на бесплатное обучение взяли Дэвида, полагая, что из-за его высоких оценок. Оказывается, все было не так просто...

Вслух она сказала:

– Все это похоже на правду. Но я не думаю, что из-за этого можно пойти на убийство.

– А я думаю. Ненависть – страшное чувство. Сильное...

– Как любовь.

– Да, как любовь, – эхом отозвалась Пэт.

Когда Элизабет ушла, Пэт вздохнула с облегчением.

Ну, вот все и позади! Теперь будет только хорошее. Она получит свои деньги, так трудно доставшиеся ей, и начнет новую жизнь. Надо еще, чтобы этот инспектор Хоскинс отстал от нее. Все выяснит да смотрит так подозрительно...

Пэт взяла лист бумаги и принялась расписывать, что она купит, на что потратит эту сумасшедшую сумму – семьсот тысяч долларов! Она оглядела дом, понимая, что здесь нужны перемены и улучшения. Но на это все деньги могут уйти! Может, переехать в любимый Мосман? Купить приличные апартаменты там. Ведь с домом всегда столько возни. Без мужчины трудно справляться. А в апартаментах все легче и проще. И тогда приличная сумма останется ей на

наряды, уход за собой, чтобы почувствовать себя настоящей женщиной, а не матросом в юбке, как ее привыкли все называть...

Сколько времени она потратила на этого ловеласа Майкла! Ведь ни одной гонки не пропустила, чтобы с ним рядом быть, чтобы он не отвык от нее. Бежала к нему по первому его зову, по взгляду, по кивку головы. Стыдно признаться, но она даже книжки специальные покупала типа «Как удержать мужчину». Всякие новые позы придумывала, когда они были вместе, да такие, что даже Майкл поражался.

Ну и что в результате? Все реже и реже он звал ее куда-то, а хотел с ней заниматься сексом только на лодке, где-нибудь в уголке, среди старых парусов и всякого хлама. Его, казалось, заводило то, что на лодке полно людей, и в любой неподходящий момент кто-то может застать их врасплох...

Так что то, что произошло, было для Пэт выходом из положения, из которого, казалось, уже нет выхода. Он, конечно, никогда не бросил бы Белинду, не отказался бы от своего роскошного дома. А обещал это все просто так. Уж очень она приставала к нему со своими расспросами...

Хорошо, что она сказала Элизабет про Шона! Пусть знает.

Пэт пошла в гостиную, налила себе приличную порцию виски.

– За тебя, Майкл. Спасибо!

И выпила залпом, как настоящий матрос.

Кэтрин

Энтони ушел, и Кэти осталась с Оскаром. Наконец-то он уехал! Оскар продолжал плакать, но Кэт показалось, что и малыш немного успокоился, когда отец ушел.

Последнее время Энтони стал невыносим. Неполладки с работой сказывались на его настроении и отношении к домашним. Его раздражало все, и Кэти казалось, что от бывшей любви не осталось и следа... Энтони был недоволен всем – едой, которую Кэти готовила, тем, как она одета, беспорядком в доме, капризами Кэрол, – как он считал. А Кэрол, между прочим, находилась уже почти в подростковом возрасте, и к ней требовался мягкий подход, а не бесконечные нотации, на которые не скупился Энтони. И подумал бы о том, как она, Кэти, может что-то успеть, если Оскар постоянно болеет, плачет, от него не отойти, да и днем он стал спать каких-то полчаса, за которые ничего не успеть! Потом надо ехать в школу за Кэрол, делать с ней уроки. И, когда Энтони приходил домой, его встречала замученная, неприбранная Кэт...

Но все равно она любила своего Энтони. Он был старше и опытней ее в жизни, у них замечательные дети. А что с деньгами проблемы, так это временно. Кэти была уверена, что ее умный Энтони что-нибудь придумает, и плохие деньки улетят в прошлое.

Кэти так ушла в свои мысли, что не заметила, как малыш заснул среди игрушек в манеже. Она бережно вынула его оттуда и отнесла в кроватку. Минутку полюбовавшись его милым, спокойным личиком, Кэти прикрыла дверь в спальню и прошла на кухню. Здесь ее ждала гора немытой посуды и неприготовленный обед. Но так захотелось просто посидеть и выпить чашечку кофе, что Кэти решила передохнуть.

Что ей всегда прекрасно удавалось – так это кофе! Тони всегда хвалил ее и признавал, что никому такой вкусный кофе не сварить!

Усевшись с чашкой кофе в кресле, Кэти задумалась. Мысли сами собой понеслись к недавнему ужасному происшествию. Перед глазами Кэт возникла картина с лежащим на палубе Майклом... потом похороны. Бр-р-р...

Если уж быть честной перед собой – надо признаться, Кэти не любила Майкла. Уж очень часто он отнимал у нее Энтони. Эти бесконечные гонки на яхте, всегда по субботам, а иногда и по пятницам! Сколько времени мог бы Энтони проводить с нею и детьми! Если бы не яхта... но для Энтони это было святое, а Майкл – кто-то вроде Бога на земле. А в сущности, что в нем, Майкле, особо хорошего? Надутый павиан, любитель женских юбок. Богат, как черт, а вот Энтони – своему другу, как он утверждал – никогда и ни в чем не помог. И когда умер – тоже ничего не оставил. А Энтони уверял, что Майкл им обязательно поможет. Да и она надеялась. Очень...

Кэти отлично знала, что Майкл ее не особо жаловал. Он никогда не одобрял выбор Энтони, считая Кэт обычной простушкой, ничем не заслужившей любви такого замечательного человека, как его друг Энтони. А уж после того случая совсем перестал ее замечать...

Кэти вздохнула, перебирая в памяти события того злополучного вечера.

Случилось это в сентябрьские каникулы. Кэрол гостила у бабушки. Энтони по делам уехал в Канберру на три дня. Оскар, наплакавшись вечером, наконец-то уснул. Позвонил Тони, сказал, как скучно в Канберре, и что он хочет вернуться поскорей. Кэти ответила, что тоже скучает без него и шутливо чмокнула его в трубку.

Как только Кэти села к телевизору посмотреть свой любимый сериал, раздался звонок в дверь. Она открыла и с удивлением увидела за ней Джереми. Он, казалось, в свою очередь удивился отсутствием Тони. Он и не знал, что тот в отъезде! Но, может быть, Кэти все же пригласит его в дом? И Кэти пригласила.

Джереми был слегка навеселе. Что-то бормоча про рояль в кустах, он жестом фокусника достал откуда-то бутылку замечательного шампанского, и они выпили, продолжая болтать ни

о чем... и как-то так вышло, что Кэт незаметно для себя оказалась в объятиях Джереми... она и сейчас покраснела, вспомнив, что случилось потом...

А затем произошло нечто ужасное. Зазвонил мобильный Джереми. Это был Майкл. Он что-то громко шутил по поводу запыхавшегося Джереми, тот неловко оправдывался, и тут заплакал проснувшийся Оскар! Кэти кинулась утешать малыша, – и все это, надо полагать, слышал Майкл!..

Майкл никогда ничего ей об этом не сказал, только в редкие их встречи глядел на нее холодно и насмешливо. Еще холодней и насмешливей, чем прежде.

Кэти тогда очень испугалась. Она так боялась, что Майкл расскажет все Энтони! Муж ей, конечно, измены не простит, и тогда конец ее счастью. Она даже не представляла, как будет жить без Энтони. А с кем останутся дети? Суд может решить по-всякому, и может быть такое, что родителям дадут равные права в воспитании, и она сможет видеть детей не каждую неделю! Кошмар!

Но проходили месяцы, ничего не менялось. Энтони был поглощен своими проблемами, переживая неприятности на работе. Кэти стала успокаиваться и забывать о черном дне сентября. Но за месяц до своей гибели на дне рождения Белинды Майкл произнес тост за верных жен, которые с терпением и кротостью ждут своих любимых мужей дома, и так взглянул на Кэти, что у той душа ушла в пятки...

...Кэти вздрогнула, вспомнив леденящий взгляд Майкла...

Слава Богу, этот кошмар позади... она улыбнулась, услышав, как заплакал проснувшийся в спальне Оскар.

Никто теперь не отнимет у нее ее детей и Тони.

Нора, Шон, Белинда, Элизабет

Джереми давно уехал в офис, а Нора сидела на веранде и никак не могла заставить себя встать. Невеселые мысли роились у нее в голове.

Еще недавно такая безоблачная жизнь, наполненная приятными занятиями, веселыми встречами, выбором чудесных нарядов, омрачаемая незначительными, как теперь выясняется, проблемами. Да и что, например, стоят переживания по поводу плохих отметок Ника в школе по сравнению с перспективой получить пожизненное заключение за предумышленное убийство?

Или ее расстройства по причине нехватки нескольких тысяч долларов на покупку нового бизнеса по сравнению с позором для нее и всей семьи, когда ее увидят на скамье подсудимых?..

Нора вздохнула, подошла к бару, налила себе виски. Рановато для спиртного, но это приносило хоть какое-то облегчение. Поколебавшись немного, выпила и снова задумалась.

На вопрос, который она задавала себе в тысячный раз, не было ответа.

Кто подкинул ей эту баночку с кристалликами яда?

То, что это мог быть любой человек, находившийся на яхте в то время, сомнений не было. Все гости и члены команды были в постоянном движении. А дамские сумочки, как и огромные баулы мужчин, были разбросаны по всей яхте. Здесь ни у кого не было опасений, что кто-то возьмет чужое. Не то общество.

Нора перебирала в голове всех присутствующих в тот злополучный день, и не находила причин, по которым этот кто-то мог так ее ненавидеть, что подставлял под такой удар!

Стоп! Ведь у этого человека должна была быть возможность сначала взять баночку для крема. А крем был профессиональный, его не купишь в магазине. Это была их новая с Эвелин – партнершей Норы – разработка и, если можно так выразиться, их гордость. Все компоненты, входящие в этот чудо-крем, были натуральными. Никакой химии!

Круг доступа сужался. Поскольку этот крем они получили с месяц назад, надо вспомнить, кто бывал у нее в косметическом салоне недавно. Память услужливо подсказала четыре имени.

Итак:

– Белинда. Заботится о своей внешности, решила попробовать новую косметику.

– Энтони. У Кэти недавно был День рождения, и он решил порадовать ее подарком, купив чудодейственный крем.

– Джереми. Часто заезжал за ней.

– Пол. Давно посещает салон. Не хочет стареть.

Нора еще раз налила себе виски, но пить не стала. Она стояла с бокалом в руке, застывшая от поразившей ее догадки.

Неужели это может быть правдой? Чудовищно!

Она поставила бокал на стол, взяла телефон и набрала знакомый номер.

Элизабет очень устала. Был поздний вечер, когда она вернулась домой. Посидела за компьютером, проверила почту и решила уже лечь спать. Но заснуть не получалось. Она лежала, перебирая события дня.

Сегодня она обедала у матери. Приехав немного раньше назначенного времени, Элизабет неожиданно столкнулась у дверей с Шоном.

– Привет, Лиз.

– Привет.

– Да тут кое-что привез для Линды, – заговорил он, предваряя ее вопрос, – Как твое расследование, продвигается?

– А откуда про расследование знаешь ты?

– Да все знают, что ты хочешь убийцу найти сама. Так вот, если хочешь знать мое мнение, это сделал Джереми. Это он принес Майклу виски, если помнишь. Да и яхту в два миллиона отхватил.

– А зачем ты это мне говоришь? Вот и сказал бы инспектору! – Элизабет раздражал этот красавчик. Она не знала, чем именно. Наверное, своим хорошим настроением.

– Инспектор пусть сам ищет. Это его работа. Ну, пока!

– До свиданья, Шон.

Белинда тоже показалась Элизабет слишком веселой. Еще так мало времени прошло со дня смерти Майкла, а по ее матери нельзя было сказать, что у нее горе. Тщательно причесанная, в новом платье цвета абрикоса, подчеркивающим ее формы, Белинда выглядела лет на десять моложе своих лет.

Обедали вдвоем. Разговор вращался вокруг происшедшего. Элизабет что-то сказала про Нору, – как ей ее жаль, ведь она не убивала Майкла, а теперь это надо доказывать. Белинда не среагировала, но чуть позже сказала:

– Наверное, ее Бог наказывает.

– А за что ее уж так сильно наказывать?

– За измены!

– Говори, мам, если начала. В чем дело?

И Белинда рассказала Лиз историю, которая ее просто потрясла.

Случилось это давно, лет пятнадцать назад. Тогда, когда молодая Нора не могла забеременеть от Джереми, а он очень хотел ребенка. Как уж получилось, но Нора стала встречаться с Полом. И родила Ника. Джереми долго был уверен, что Ник – его сын. Но однажды Нора призналась Джереми во всем и умоляла простить ее. Потому что, дескать, это все было ошибкой, а любит она только его, Джереми.

Джереми был поражен открывшейся страшной истине, даже сразу поверить не мог. И еще его очень удивляло, что Нора не беременеет от него. Но, пройдя обследование, показавшее, что он не может иметь детей, и никогда не мог, немного успокоился. Ника он успел полюбить, заботился о нем, как о родном сыне...

Взяв с Норы обещание никогда и никому не открывать этой тайны, Джереми продолжал жить дальше по-прежнему.

Даже своего отношения к Полу он постарался не изменить. По крайней мере, никто из окружающих ни о чем не догадывался. И только его отношение к Норе изменилось. Если раньше, до признания, он, будучи богатым человеком, потакал всем ее причудам и капризам, то теперь ограничивал ее в средствах. На нарядах это мало сказывалось. Но далекие путешествия, которые Нора обожала, как-то само собой сошли на нет. И, когда Белинда спрашивала, почему Нора засиделась в стране, никуда не ездит, та отвечала, что ей не хочется, да и в Австралии полно замечательных уголков, где можно отдохнуть. На самом деле Джереми просто не давал ей денег.

Нора молчала, затаив обиду. Только однажды она пожаловалась Белинде, что ей так нужны деньги на покупку нового салона красоты, а Джереми ей отказал...

– А откуда ты все это знаешь, про Ника? – спросила Лиз у матери.

– От Майкла, конечно. Джереми ему с обидой все выложил. А Майкл не удержался и рассказал мне.

– Да... везде свои скелеты в шкафу...

И сейчас, лежа в постели, Лиз перебирала в уме услышанное. Вдруг одна мысль так потрясла ее, что она подскочила на кровати.

Два бокала! Джереми нес ДВА бокала с виски – для себя и для Майкла.

Спокойно!

Она еще раз попыталась восстановить эту картину.

Вот Пол наливает виски обоим – Джереми и Майклу – и хочет отнести виски Майклу наверх. Но Джереми говорит, что отнесет сам. Майкл выпивает виски и умирает... а что, если стакан с ядом предназначался не Майклу, а Джереми?! И Майкл отравлен случайно?

Элизабет встала и начала в волнении ходить по комнате взад и вперед. А кому была выгодна смерть Джереми? Да в первую очередь Норе! Они с Ником получили бы громадные деньги. Ведь состояние Джереми оценивалось в миллионы долларов. И Нора смогла бы жить в свое удовольствие... потрясающе!

А она-то, Лиз, считала Нору невинной жертвой подлого преступника, несчастной, незаслуженно обвиняемой женщиной.

Как можно было так заблуждаться!

Анна

Анна рассматривала свое отражение в зеркале.

Нет, белое платье не подойдет. Как-то бедра слишком выделяются! И вроде она не потолок, взвешивается каждый день. Может быть, платье деформировалось каким-то таинственным образом? А ведь больших денег стоит!

Она снова открыла дверцу огромного шкафа в гардеробной и стала перебирать свои наряды. Эта гардеробная была предметом их с Полом частых перебранок. Его страшно бесило пристрастие Анны к нарядам. Время от времени он приходил в гардеробную, открывал дверь платяного шкафа с платьями и костюмами Анны и вопрошал:

– Ты опять новое платье купила?

– Какое новое?

– Вот это – красное. Наверно, бешеные деньги отдала? И когда ты только остановишься?

– Никогда! Послушай, я – женщина, и должна... просто должна красиво и модно одеваться!

– Но Анна, пойми, мы не можем себе позволить столько тратить на твои наряды!

– И очень плохо! Я не виновата, что у тебя не хватает денег достойно одевать свою жену! Посмотри, как одевается Нора! Я ни разу не видела, чтобы она одела одно и то же платье два раза. Про Белинду я уже и не говорю...

– Но Анна! У меня нет таких доходов, как у Джереми и Майкла... да и потом, скоро...

– Вот и плохо! Просто отвратительно экономить на моих нарядах. И зачем я только вышла за тебя замуж?!

Но тут Анна лукавила сама с собой. На тот момент, когда ей было необходимо и давно пора замуж, самой достойной кандидатурой был именно Пол. Конечно, до миллионера, которым грезила Анна, Полу было очень далеко. Но он слыл состоятельным джентльменом и, что немаловажно, был холост.

Да, когда он предлагал Анне руку и сердце, он несколько преувеличил свои финансовые возможности. Но у него была перспектива! А новые платья были нужны сейчас, когда она молода и хороша собой, а не когда-то потом...

Порывшись в шкафу еще немного, Анна выбрала синее платье простого покроя, которое выгодно подчеркивало ее фигуру. Еще нитка жемчуга – и наряд завершен.

И что она вдруг придает такое значение визиту этого сыщика Хоскинса? Но ей, как и всегда, хотелось понравиться. И еще Анна понимала, что он не так-то прост, как хочет казаться. Прищуренные хитрые глазки так и сверлили Анну, когда он просил ее о визите.

Неужели он что-то знает? Нет, откуда? Об этом никто не знал, а Майкл уже мертв.

...Это было полтора года назад. Анна до сих пор вспоминала это со смесью внутреннего стыда и томной неги.

Тогда, в день ее первого ланча на яхте, на ней тоже было синее платье, но не такого глубокого оттенка, как это. То было похоже на голубое австралийское небо. Очень ей шло!

Майкл ей понравился сразу. Не молод, конечно, но хорош! Загорелый, в белой рубашке из хлопка, с довольно длинными и еще только начинающими седеть на висках волосами, он вызывал улыбку у всех, кто с ним разговаривал.

– Ну, кого это к нам привел Пол? Знакомь со своей красавицей.

Его насмешливый голос не обижал, а взгляд так и говорил: «Я не шучу. Ты и вправду красавица!»

Анна протянула руку для знакомства, и Майкл прикоснулся к ней губами. По телу Анны пробежал ток.

А Майкл, словно что-то поняв и не выпуская ее руки из своей, повел ее показывать яхту. Пол следовал за ними, поддерживая беседу, поддакивая Майклу, смеялся его шуткам и совсем не замечал того, что происходило с этими двумя – Майклом и Анной. От охватившего ее желания Анна была, как в тумане. Майкл непрестанно говорил что-то, а сам пожимал и пожимал ее ладонь, то мягко, то сильнее надавливая пальцами на одному ему известные точки... она была готова раздеться прямо здесь, на яхте, и тут же отдаться этому человеку, которого видела впервые в жизни...

Он, казалось, понял ее состояние и руку отпустил.

– Пойдемте, посидим с друзьями. Я вас со всеми познакомлю, – произнес он обычным голосом, не выдававшим никаких чувств.

Ланч прошел весело. Все рассказывали забавные истории о своих путешествиях, в которых иностранцы выглядели смешно, а иногда и глупо, а они – австралийцы – достойно и гораздо умнее. Анна несколько раз ловила на себе взгляд Майкла и каждый раз опускала глаза. Щеки ее отчего-то горели. Она поднялась на палубу яхты, присела и постаралась зачерпнуть воды, чтобы как-то охладить лицо. Подняла голову и увидела Майкла прямо перед собой.

– Завтра в пять в Централ-парке у пруда. Там поговорим.

И он ушел.

Анна помнила, что назавтра еле дожила до пяти часов.

Он подъехал на своем «Мерседесе», веселый, насмешливый и, глядя в ее глаза, произнес:

– Сама понимаешь, мы должны быть вместе. Что касается меня, я могу уезжать из дома, когда и куда мне заблагорассудится, так в семье поставлено. А с Полом уладь как-нибудь и поскорее. Ждать я не привык.

И в подтверждение он обнял ее так, что просто дух захватило! Ни о чем ее не спросил, будто был уверен в своей неотразимости. Да так оно и было... она проводила горящим взглядом его уезжающий «Мерседес» и поехала домой, стараясь на ходу придумать какую-то версию для Пола.

А что можно было придумать? Лучшего предлога, как болезнь матери, которая жила в деревушке под Брисбаном, не было. Так они с Майклом встречались в отелях сначала очень часто, потом реже, когда Пол стал уж очень приставать с расспросами. Пришлось отчасти посвятить в эту историю мать. Сказала, что влюбилась, что ОН – ее босс, и что встречи эти нужны для карьеры.

На самом деле встречи с Майклом мешали и ее жизни с Полом, и ее работе. Прошло примерно полгода, и Анна с ужасом поняла, что так дальше продолжаться не может. На работе, где она то сказывалась больной, то говорила, что срочно надо уехать к больной матери, начальство было очень недовольно, а потом и прямо стали намекать на увольнение.

Пол тоже был недоволен. И все спрашивал, отчего они не берут трубку городского телефона, когда она у матери. Приходилось придумывать что-то и врать, врать, врать... наконец Анна заставила себя очнуться и поняла, что может из-за своей страсти потерять все – и работу, и перспективного мужа.

Майкл же был неустойчив и непреклонен в своих требованиях встреч. Нет, он ни разу не сказал ей, что бросит жену. Его совершенно устраивало положение вещей, лишь бы Анна была с ним по первому зову.

Их встречи продолжались время от времени до сих пор. И каждый раз тело Анны горело и трепетало в объятиях Майкла, а после ум ее лихорадочно искал путей прекращения этой связи...

И вот все разрешилось.

Майкла больше нет.

Элизабет

Элизабет остановилась на красный свет, задумчиво барабанила пальцами по рулю своего «BMW». Хуже нет ехать будним утром по сиднейскому трафику в центр города – все улицы забиты автомобилями. Но сегодня Лиз необходимо попасть в суд. В одиннадцать утра там состоится важное действо – посвящение в адвокаты. Мало того, что это событие бывает довольно редко, так для Элизабет это было важно еще и потому, что сегодня «принимали» в адвокаты ее подругу Джейн.

И еще там обязательно должен быть Эндрю.

Элизабет улыбнулась, вспомнив о нем. Все это время, начиная со дня гибели Майкла, они лишь изредка перезванивались друг с другом, и Лиз соскучилась без Эндрю. Она устала от отрицательных эмоций, от своего расследования, которое топталось на месте. Хотелось участия и человеческого тепла.

С Эндрю она познакомилась год назад, когда присутствовала на слушании дела по запутанному преступлению, случившемуся в Валайше – небольшом симпатичном городке на западе Большого Сиднея. В убийстве отца подозревалась дочь. Все было вроде очевидно, и улики были против девушки. Но молодой адвокат не только доказал ее непричастность, но и так построил защиту, что против невинного, казалось бы, человека, было решено возбудить уголовное дело.

Тогда Элизабет, восхищенная мастерством адвоката Эндрю Беккета, без стеснения подошла к нему и представилась. Молодые люди начали встречаться, и Лиз казалось, что она влюблена...

Она так задумалась, что пропустила момент, когда загорелся зеленый свет. Сзади сигналили. Лиз нажала на газ. На следующем перекрестке ей налево. Она начала перестраиваться в крайний левый ряд и тут краем глаза заметила знакомый «Ягуар» – машину Норы. Рядом с ней сидел мужчина в темных очках. Когда Элизабет посмотрела в их сторону, мужчина отвернулся, лица не было видно. Но Лиз показалось, что это не Джереми.

Движение не позволяло рассуждать и рассматривать что-либо, и Лиз помчалась дальше.

Элизабет вошла в зал, когда там шло представление нового адвоката. Лиз была в светлом костюме и чувствовала себя неуютно среди людей, сплошь одетых в черное. Черными были мантии барристеров, старших адвокатов, черными были костюмы адвокатов, мужчин и женщин. И только судьи были одеты в красные мантии. На головах у барристеров и судей красовались белые затейливые парики, точно такие же, как сотни лет назад в старой, доброй Англии...

Часы показывали уже одиннадцать вечера, когда раздался телефонный звонок. Звонил Джереми. Не похожим на свой, взволнованным голосом он, даже не извинившись за поздний звонок, спросил:

– Лиз, ты случайно не знаешь, где Нора?

– Нет. А что случилось?

– Служанка сказала, что она уехала еще утром. А сейчас почти полночь, а ее нет, – Джереми даже немного заикался, что у него служило признаком крайнего волнения.

– А ты звонил кому-то еще?

– Да всех уже обзвонил! Никто ничего не знает. И что странно, обычно она в течение дня обязательно хоть раз звонит мне, а сегодня ни разу.

– А мобильный ее?

– Не отвечает!

Лиз бормотала какие-то успокаивающие слова, а сама думала, что Нора могла попросту сбежать, поняв, что скоро будет разоблачена. А когда положила трубку, вспомнила об утренней встрече с Норой и незнакомым мужчиной на дороге, но перезванивать Джереми не стала...

Нору нашли через два дня в Голубых горах. Что она здесь делала и с кем была – оставалось загадкой.

Ее «Ягуар» сиротливо стоял недалеко от смотровой площадки, с которой открывался изумительный, захватывающий вид на Голубые горы.

Опрос полицейскими туристов, бродящих здесь, ничего не дал. Это было неудивительно. Люди приезжали сюда ненадолго, полюбоваться видами, устроить пикничок. Они играли с детьми на детской площадке и через два-три часа уезжали обратно. Немногие спускались по крутым, головокружительным тропам вниз, бродили по лесу вдоль реки в надежде встретить диких кенгуру. Двое таких смельчаков – влюбленная парочка – и наткнулись на тело Нору, прикрытое ветками.

Полицейский вердикт был однозначен – Нору задушили. След от шнура синей змеей пересекал ее горло...

Элизабет была в растерянности. Только она выстроила линию преступления, как погибает ее основная подозреваемая.

В голове у Элизабет не было никакой стройности мыслей. Все версии рассыпались, как домики на песке. Но что-то ей говорило, что убить хотели Джереми, а не Майкла. Что-то все время ускользало от Лиз, какая-то идея, промелькнувшая однажды в ее голове...

«Завтра надо бы узнать о настоящем финансовом положении Пола», – подумала она, засыпая. Она еще сама не знала, зачем это ей нужно.

Нет, ничего не складывалось в цельную картину.

Хоскинс

Утро не предвещало ничего хорошего.

Еще накануне ему казалось, что вот она, ниточка – в руках, стоит чуть-чуть потянуть, и все станет ясно, узелок развяжется.

Но как только лучи солнца коснулись его открытого окна, будильник на телефоне пропел противным тонким голоском: «Пора просыпаться!» И все в голове забылось, спуталось. Душа требовала ясности, а значит – кофе.

Пит умел варить приличный кофе, но сейчас не хотелось никаких действий, которые в другие, более удачные моменты жизни приводили его в хорошее настроение. Хотелось глотнуть чего-то по-быстрому, потому что все мешало думать.

А по-быстрому – растворимый, кисловатый, без сахара и сливок, но не улучшающий настроение, а как бы говорящий: думай, не отвлекайся.

И он думал.

Вот и Нору, главную подозреваемую, задушили. По правде говоря, он никогда и не думал, что это она могла убить Майкла. Мотивов нет. По крайней мере, видимых. Тогда, значит, ее кто-то подставляет. Зачем тогда убили? А вот Джереми она могла бы убить. В свете открывшихся обстоятельств.

Пит поморщился. Он, человек с огромным опытом раскрытия уголовных преступлений, убийств, насилий, как-то замешкался в этой истории со смертью миллионера Майкла Боссома.

По правде сказать, история из жизни этого общества, о котором он знал только понаслышке, почему-то раздражала и выводила его из себя. Нет, не потому, что ему было до них далеко, так далеко, что не допрыгнуть. Просто он никак не мог понять – вот есть у вас все, кажется, даже больше, чем надо, больше, чем может переварить простой смертный. Нет, надо еще, больше и больше! И, чтобы достичь этого, надо совершить преступление. Да, подчас, еще и не одно.

А то, что второе преступление было совершено все тем же негодяем, что и первое, Пит не сомневался.

Итак, кому выгодна смерть Норы? Вроде, никому... Джереми ее любит, и от ее смерти ничего не выигрывает. Ведь все в семье и так принадлежит ему. Разве что, свободу...

Надо поинтересоваться, нет ли у Джереми тайной пассии, которая желала быть с ним, а он – с ней.

Любовников у Норы вроде не было... Пит прошустрил все ее окружение. Она очень любила своего сына Ника, до беспамятства. Во всем потакала...

Сначала Питу казалось, что у Норы, такой элегантной и привлекательной женщины, мог быть роман с Майклом. А что? Ведь Майкл был чересчур любвеобилен, не пропускал ни одной симпатичной женщины, попадающейся ему на пути. И Белинда, узнав, могла взревновать и расправиться с Норой... но тут, правда, другая история – Нора, жена Джереми, а он – лучший друг Майкла. Австралийцы чтут дружбу и разделяют симпатии и брак. Но может быть всякое...

Пит налил себе еще кисловато-горького напитка под названием «растворимый кофе» и написал на листке:

- Узнать, где была Белинда в день, когда погибла Нора;
- Джереми.

Инспектор Хоскинс тщательно побрился, оделся по погоде – светлая рубашка, голубые джинсы. Немного подумал и приписал на листке:

- Элизабет.

Эта чудесная девушка, умная и симпатичная, по-видимому, ведет свое расследование. Надо бы с ней поговорить. А то наломает дров!..

Пол

...Утренний прилив шумел расстроенным оркестром, прогоняя тишину.

Пол брел вдоль океана. На берегу никого, кроме него, не было, и Пол радовался тому, что встал так рано. Очень важно быть первым там, где это сегодня произойдет!

Он остановился поглядеть на волны. Они без устали набегали на берег, вылизывая песок своими тонкими, длинными языками. Не успевала одна волна отступить вглубь, как ее, ворча и пенясь, догоняла другая. Там, вдалеке, где начиналась океанская глубина, те, что отступали, схлестывались в бою с теми, что готовились напасть на берег. На месте их столкновения вверх вздымалась белая пена, и закручивалась новая волна.

И, куда хватало взора, над прибрежной полосой океана висело облако из мельчайших брызг. Волны, подступая к берегу, сначала заворачивались зеленоватым полотном, а затем посылали в наступление бурное белое войско, топчущее песок и при отступлении грабящее и уносящее с собой все, что попадалось на пути. Те волны, что были посильнее, доставали до самого обрыва, спускающегося к пляжу, и уносили все, что было на песке. Таких, сильных, было немного, примерно по одной из двадцати. Остальные достигали лишь середины желтого промежутка между берегом и океаном, и возвращались обратно, в свой зеленый лагерь, ни с чем.

«Так и люди, – подумал Пол, – не каждому удастся достичь желаемого. У многих не хватает ни сил, ни ума, ни ловкости...»

Он посмотрел на ноги и с удивлением обнаружил, что одет в черные лаковые ботинки. Да, здесь они совсем не годились, на этом солнечном океанском пляже. И пиджак тоже... глупо было так вырядиться!

Пол разулся, поставил ботинки на песок рядом, снял пиджак, подумал и стал расстегивать рубашку – жарко! И вдруг его толкнула огромная волна, а его пиджак и ботинки потащила с собой. Он успел выхватить пиджак и погнался за водой, уносящей штиблеты. Но успел поймать только один, другой бесследно исчез в морской пучине.

Раздосадованный Пол стоял на берегу в мокрых брюках, с одним ботинком в руках и беспомощно глядел вслед улизнувшей волне. Через минуту он размахнулся и забросил в коварный океан и второй ботинок...

Что он здесь делает? Надо же торопиться. Там, за мысом, его ждет Анна, и он не должен явиться к ней с пустыми руками.

Пол долго шел вдоль берега. Уже закончился строй отелей, наблюдавших его утреннюю прогулку. Впереди в тумане маячил заветный мыс. Здесь Пол уселся на песок и стал ждать. Вот оно! Очередная волна отхлынула и оставила на песке сверкающие в солнечных лучах камушки. Потрясающе! Изумруды! Вот удача!..

Вдруг он с ужасом увидел, как две чайки побежали вслед за отливом к драгоценным камешкам. Сейчас склюют!.. Он постарался вскочить, но вместо этого очень медленно поднялся на ноги... он хотел побежать, но ноги не слушались его и вязли в песке... пистолет! Он лихорадочно вытащил его из кармана, прицелился, чтобы убить этих нахалок, нажал на курок... выстрела не последовало... пистолет оказался игрушечным! Пол бросил его с досадой на песок, и тут чайки улетели. Он начал лихорадочно собирать изумруды. Здесь были и бриллианты тоже!.. Она их так любит!.. Но надо было торопиться – успеть, пока новая волна не слизнет драгоценные камешки. Камней было много. Пол распахивал их по карманам, но места там уже не хватало. И как он не подумал о том, куда будет складывать все это богатство?! Глупо...

Ну вот, наконец-то он все собрал, успел до новой волны! Ничего, понесет в руках, идти осталось недолго...

Пол огибал и огибал мыс, а мыс все не кончался. Солнце палило вовсю, по щекам Пола стекал пот, но он не мог стереть его, потому что его руки были заняты бриллиантами и изумрудами.

Наконец он увидел Анну. Она сидела на берегу. Увидев Пола, она не поднялась ему навстречу и вообще не сделала ни одного жеста. Пол подошел к ней, присел рядом на корточки и протянул ей закрытые ладони. Он глядел ей прямо в глаза и улыбался.

Анна раскрыла его ладони, фыркнула и пошла прочь.

Пол удивленно посмотрел на свои руки.

О, ужас! Вместо изумрудов и бриллиантов на ладонях лежали разноцветные, расколотые океанскими волнами, ракушки...

Мелодично и нежно звонил телефон.

Пол с трудом разомкнул неподатливые веки. Приснится же такое!

Звонила Элизабет. Ей, видишь ли, нужна его консультация по юридическим вопросам страхования. Дескать, кто, как не он, поможет ей разобраться в трудном деле.

Полу очень хотелось отказать девчонке, но он понимал, что причину визита Элизабет выдумала. А вот что действительно у нее на уме – хорошо бы выяснить.

Пригласив девушку приехать часа через полтора, Пол пошел в душ.

От кофе Элизабет отказалась. Тогда Пол предложил холодного белого шардоне. Вино немного взбудоражило Пола. Элизабет же была совершенно спокойна и молча сидела у окна. Глядя на нее, такую красивую, невозмутимую, Пол невольно подумал: «Эх, хороша! А главное – умна. Может, получится приударить?» Ведь он очень даже ничего, а она богата. Это не Анна, которой все время нужно только одно – деньги, деньги... да, очень богата...

Вопрос, который прозвучал из уст Лиз, мгновенно вернул размечтавшегося на землю:

– Давно был в Голубых горах, Пол?

– Да сто лет уже не был, – Пол выдал удивленную улыбку, – а почему ты спрашиваешь? Хочешь прокатиться туда со мной?

«Что она знает?»

– Я вчера каталась, спасибо. Ты ведь в курсе, что Нору нашли там?

– Как это – нашли?

«Только не волноваться!»

– Нашли задушенной. В Голубых горах, около Трех сестер.

Пол изображал крайнюю степень удивления.

– Не может быть! Так ее жаль! Изумительная женщина... была...

– Тебе жаль?

«Надо сказать!»

– Ты знаешь, Бэтти, теперь могу тебе признаться...

– Да? И в чем же?

– У нас с Норой был роман. Можно сказать, я любил ее...

– Очень любил?

– Ты даже не представляешь, как. Но она была замужем. С Джереми мне трудно было тягаться.

Пол встал и налил себе еще вина. Элизабет отказалась.

– Поэтому ты решил убить Джереми?

«Догадалась, стерва! Ну, что ж, тем хуже для нее».

– Лиз, тебя не поймешь. То ты утверждаешь, что я Нору убил, то – что хотел убить Джереми. Это все смешно. Ну, скажи на милость, зачем мне их убивать? Нору я любил, а от смерти Джереми мне нет никакого толка. Да и Джереми жив и здоров, насколько я полагаю. Или я опять чего-то не знаю?

Пол начал нервно расхаживать по гостиной.

– Да, Пол, Джереми жив и здоров. Но только потому, что стакан, из которого он должен был выпить виски, достался Майклу. По ошибке, досадной для тебя, не правда ли?

– Лиз, ну какие глупости! Какой стакан? И вообще, я к Джереми прекрасно отношусь, уважаю его. Зачем мне его смерть?

– А затем, что после смерти Джереми ты бы мог предъявить свои права на Ника, доказать, что он – твой сын, стать его опекуном. Ведь ему до восемнадцати еще четыре года. За это время ты бы мог здорово поправить свои пошатнувшиеся финансовые делишки.

Элизабет встала, подошла к Полу и, глядя ему прямо в глаза, продолжала:

– Но тебе мешала Нора, и ты, подбросив ей баночку с ядом, решил, что ее посадят в тюрьму, и ты будешь беспрепятственно проделывать дальше свои темные дела.

– Какая чушь, дорогая! Мои дела идут прекрасно... может, временные мелкие неприятности... ну, а у кого их нет? Сядь и успокойся. Даже если на минуту предположить всю эту ерунду, которую ты здесь наплела, – где бы я мог взять яд, которым был отравлен Майкл? Цианид, кажется?

– Вот как раз для тебя это не было проблемой. Ведь твой отец работал на добыче золота, а там применяется цианистый калий – для извлечения золотой пыли из отвалов. Наверно, у отца позаимствовал. Сознайся, Пол!

Элизабет снова села в кресло, бледная и возбужденная. Горящим взглядом она смотрела в окно, на сад и повторяла:

– Как ты мог это сделать?! Ты хоть понимаешь, что ты убил моего отца, моего любимого отца...

– Успокойся, Бетти, я принесу тебе воды.

«Где шнур? Куда я его подевал?.. Расслабился, идиот!»

Пол вышел и через минуту вернулся в гостиную со стаканом воды. Элизабет все также неподвижно сидела в кресле. По щекам ее катились слезы.

«Надо узнать – рассказала ли она уже кому-нибудь?»

– Ну, успокоилась? Идиотка, куда ты залезла? Зачем тебе все эти расследования? Шерлок Холмс в юбке! Твоего сноба-папашу все равно не вернешь. А теперь придется и с тобой разделиться, дура!

С этими словами Пол накинул Элизабет шнур на шею и начал душить ее, стоя позади. Девушка отчаянно сопротивлялась, но Пол был намного сильнее ее. Он затягивал петлю и спрашивал: «Кто еще знает об этом? Отвечай!»

Лицо Лиз приобретало серый оттенок. Она задыхалась...

– Откройте! Полиция!

В дверь громко стучали. Пол оттолкнул хрипящую Элизабет на диван и прыгнул через открытую дверь веранды в сад. Ветки дерева жестко хлестнули его по лицу. Подвернутая нога больно заныла. Он уже поднялся с земли и хотел бежать, как сзади на него навалился кто-то тяжелый и, заворачивая руки за спину, произнес:

– Именем закона...

В гостиной инспектор Хоскинс поднимал Бледную Элизабет и, усаживая ее в кресло, повторял:

– Ну что же вы, сыщик-самоучка, делаете? Разве можно было к такому негодяю являться одной? Хорошо, что после нашего разговора я не поверил, что вы ничего не будете предпринимать, и бросился сюда... страшно подумать, если бы мы с Бобом не успели...

– Спасибо, что успели! – Лиз подняла на инспектора благодарный взгляд. На ее глазах блеснули слезы.

Эпилог

Сегодня они решили никуда не ездить, просто побыть вдвоем.

События последних месяцев были слишком тревожны и неприятны. Но наконец все утряслось, потеряло свою остроту и начинало принимать оттенок прошлого.

Вилла, которую снимала Белинда, так нравилась им обоим, что они решили купить ее. И вот вчера были закончены последние формальности. И, хотя он протестовал, Белинда настояла на том, чтобы оформить виллу в равное владение на двоих. Она знала, что ее любимому будет это приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.